

А.И. Губарь

О концептуальных основах реформирования экономики переходного общества

К концу первого десятилетия радикальных экономических реформ в России был накоплен колоссальный опыт практического использования различных экономических механизмов в конкретных условиях переходного постсоциалистического общества. За эти годы произошли существенные качественные изменения в понимании задач и подходов реформирования экономики переходного общества.

В этот период общество от состояния скрытой, застойной деградации, подавленной внешне камуфлированной депрессии перешло первоначально к «шоку без терапии», когда под гром политических дебатов и обещаний будущих благ были снесены изжившие себя тоталитарные институты, при этом ограблено 90% населения, затем от первого шока 1992 г. общество было ввергнуто в хаос «прихватизации», монополевой либерализации, вывоза национального богатства за кордон, наконец, уже во второй половине 90-х гг. незаметно для самих реформаторов и для подавляющего большинства населения страна оказалась в депрессивно-кризисной ловушке, состоянии, при котором все мыслимые пути экономического развития дают отрицательные результаты.

Неприемлемыми, разрушительными представляются и радикально-либеральные, и сугубо прогосударственные формы и направления экономического переустройства. В пестроте центристских решений также скорее просматривается интуитивно-заданная нерешительность, чем определенность, обоснованность, надежность и эффективность.

В условиях институциональной неупорядоченности, отсутствие определенной перспективы в функционировании экономических субъектов повергает их в состояние хаотической выживаемости.

Именно в этот период правительство В.С. Черномырдина «утопило» экономику страны в песках нарастающей пирамиды ГКО. «Хотели как лучше», но одного хотения оказалось совершенно недостаточно.

Среди множества предложенных и даже частично обозначенных практически программ трансформационного реформирования экономики ни одна не смогла принести ни позитивных результатов, ни существенных сдвигов в теоретических представлениях об основополагающих механизмах экономических преобразований.

Резюмируя неудачи реформирования российской экономики, вице-президент Всемирного банка профессор Дж. Стиглиц отмечает, что причины этих неудач «коренятся в непонимании реформатора-

ми самих основ рыночной экономики и процесса институциональных реформ» [1, с. 4]. Можно сколько угодно с этим не соглашаться, даже обижаться на такой вывод, но негативные результаты экономических преобразований налицо.

Реформы все же начаты не с китайского уровня и, тем более, не с уровня послевоенной Германии, но если в Китае объем ВВП за последние 10 лет возрос почти вдвое, а за 10 послевоенных лет в Германии увеличился почти в 4 раза, то в России за последнее десятилетие он снизился в 2 раза. При этом на 80% основной причиной глубокого экономического спада в России, в начале 90-х гг. (по нашей оценке) явились структурно-циклические процессы. Но в настоящее время на долю этих процессов приходится не более 10-15% экономического спада. До 90% имеющегося снижения ВВП в России в настоящее время – прямой результат ошибок в процессе реформирования экономики и его институциональной неопределенности.

При таких результатах реформы представляются как цепь длительных неудачных экспериментов, перемежающихся острыми кризисными явлениями – обвалами, дефолтами, обнищанием, что вызывает недоверие и безразличие к любым очередным попыткам предложить принципиальные, системные решения аккумулирующихся проблем.

Вместе с тем нельзя не видеть и тех качественных позитивных сдвигов в обществе, которые обеспечивают «загадочную» российскую долготерпимость и труднообъяснимую относительную устойчивость ослабленной социальной системы. По общепризнанным показателям – индикаторам экономического, социального, политического состояния общества, Россия уже к середине 90-х гг. перешла так называемую предельную «красную» черту, за которой начинается общественный коллапс, необратимые процессы, свидетельствующие о распаде, гибели общества [2, с. 121]. По глубине и длительности экономического спада Россия давно оставила позади великую депрессию 30-х гг. Налицо процессы демографического вырождения, криминализации общества и властных структур, политического и социального недоверия.

В этих условиях особенно важно видеть и конструктивно использовать в процессах реформирования факторы устойчивости в развитии социально-экономической системы. Отметим наиболее существенные из них:

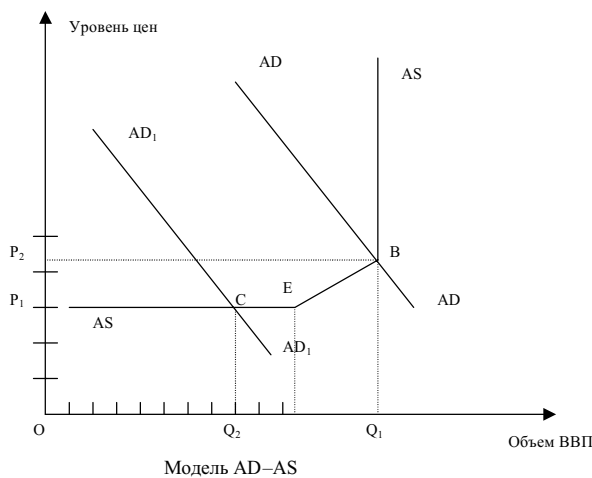
– накопленный опыт и приобретенные знания в процессе реформирования;

- вновь созданные и развивающиеся экономические, социальные и государственные институты реформирования трансформационных процессов;
- меняющийся и утверждающийся менталитет суверенной, свободной личности и всех социально-экономических субъектов;
- приведенные в действие колоссальные адаптационные возможности сверхсложной социальной системы, развитие неформальных процессов и связей, обеспечивающих выживание экономических субъектов в условиях глубокого, системного кризиса.

Последний фактор в силу своей неформальности в узко-юридическом смысле может быть отнесен к полутеневым или мягкотеневым моментам. В более широком социальном понимании эти связи и механизмы выступают как условия адаптации и выживания. Думские мечтания, находящие выражение в законотворческой и законоприменительной практике, приводят к бездействию или систематическому нарушению декларируемых юридических установлений. Нереальность многих положений экономического права ведет на практике к тому, что становится невозможной успешная предпринимательская деятельность без нарушения тех или иных юридических норм [3, с. 27].

Отвлекаясь от малопродуктивной, в данном случае утяжеляющей анализ конкретики, все многообразие концептуальных подходов к реформированию переходной экономики можно свести к противостоянию либеральных и государственно-ориентированных программ, которые часто ассоциируются, соответственно, с идеями современного монетаризма и неокейнсианства.

В макроэкономической постановке эти два подхода можно представить с помощью следующей графической модели (см. рис.).

- AS – совокупные предложения;
- AD – совокупный спрос;
- ASE – кейнсианский отрезок кривой AS – недоиспользование ресурсов;

EB – промежуточный отрезок кривой AS – напряженное использование ресурсов;

ASB – классический отрезок кривой AS – предельное использование экономических ресурсов;

P1, P2 – уровень цен.

В соответствии с неоклассической теорией принято считать, что в нормально функционирующей экономике обеспечивается полное использование ресурсов. Макроэкономическое равновесие в этом случае устанавливается в точке B. Уровень цен при этом равен P2, а объем производства ВВП равен OQ_1 OP_2 .

Сжатие, недостаточность совокупного спроса, связанные с разными причинами: предпочтением ликвидности, характером предельной склонности к потреблению, спекулятивными сделками или с необеспеченностью рынка реальных товаров и услуг денежной массой, как это сложилось у нас (где обеспеченность рынка товаров деньгами составляет примерно 20%), – естественно, сдвигают линию совокупного спроса AD в положение AD1. В этом случае в кейнсианской модели прослеживаются сокращение объема производства, недоиспользование ресурсов, низкий уровень цен. Экономика не обеспечена деньгами.

Многие теоретики-экономисты и еще чаще практики в этих условиях рекомендуют внешне вполне в кейнсианском духе так называемую управляемую эмиссию, которая, сдвинув кривую совокупного спроса в сторону увеличения и лишь незначительно побеспокоив цены, обеспечит ликвидацию безработицы, более или менее полное использование всех экономических ресурсов и, в конечном счете, обозначит экономический подъем. На этом исходном положении выстраивается критика финансово-стабилизационной политики правительства, его антиинфляционных мер, а часто и не имеющей к данной политике непосредственного отношения современной монетаристской теории. При этом остается в стороне одна очень существенная деталь: сжатие денежной массы на практике лишь сдерживает инфляционные процессы, отнюдь не устраняя их. Другими словами, практика не отвечает хрестоматийным построениям. И нет совершенно никаких гарантий, что в случае роста денежной массы экономика будет развиваться по М. Кейнсу: рост занятости, объемов производства при умеренной инфляции. Скорее всего, наоборот, увеличение денежной массы, и практически это уже не раз происходило, приведет прежде всего к росту цен, что снизит и без того слабые возможности инвестирования. Кривая совокупного предложения переместится влево – вверх, так что возросшая денежная масса не обеспечит даже исходный уровень совокупного спроса.

Но спорить о том, как будет соотноситься ди-

намика сдвигов в совокупном спросе и совокупном предложении, было уместно в 30-е, даже в 60-е гг. и в XXI в., только не для условий переходной экономики России. Дискуссии новоявленных неоклассиков и неокейнсианцев применительно к условиям сегодняшней России все же являются признаками теоретического «хвостизма». Ясно, что если в условиях крайне сжатой денежной массы цены растут, то при увеличении количества денег в обращении при прочих равных условиях результат будет однозначен. И с этих позиций, конечно, заслуживают внимания предостерегающие предупреждения экономистов-реформаторов правого толка.

Вместе с тем совершенно очевидно, что и либерализация, и строгая денежная политика в создавшихся условиях привели к удручающим результатам. Так что критика, направленная на реализованные таким образом правореформистские положения, вполне уместна и обоснована.

Таким образом, два основных противостоящих подхода не дают позитивного решения, равно как и не обещают его эклектически-центристских попыток соединить и то, и другое. Это и есть то самое состояние кризисной макроэкономической ловушки, в которой оказалась переходная экономика с самого начала процесса реформирования.

В теории реформирования со всей очевидностью признана необходимость учета всего спектра факторов, определяющих как исходное экономическое положение трансформирующейся системы, так и особенности течения этого процесса в конкретной исторической ситуации. Только на этой основе, а не путем простого наложения известных теоретических положений на сложившуюся экономическую ситуацию могут быть успешно выработаны и реализованы эффективные программы развития национальной экономики.

Среди множества факторов, осложняющих процесс реформирования переходной экономики России, на первое место следует поставить всеохватный, тотальный монополизм. Экономика России, в течение многих десятилетий развивавшаяся в русле тоталитарного режима, выработала новые практически не изученные, а также специфицировала уже известные формы монополизма.

Для понимания существа разновидностей механизмов и многообразных социально-экономических последствий монополизма в постсоциалистическом обществе явно недостаточно тех характеристик, которые выработаны в современной экономической теории. Это тема самостоятельной работы. Лишь в исходной форме она намечена в работе «Собственность и власть» [4, с. 80–82].

В рамках данной статьи отметим, что наряду с известными формами монополизма – функционального, естественного – переходное общество тотально пронизано сформировавшимися еще в советское время монопольными механизмами, которые в годы постсоциалистической трансформации не только не были ограничены, но и нашли изобильную почву для новых модификаций. Отметим важнейшие из форм монополизма, по существу определяющие макроэкономические механизмы в переходной экономике России:

- функциональный монополизм;
- естественный;
- инфраструктурный;
- институциональный;
- сателлитский;
- мафиозно-теневой;
- экзогенный.

Сцементированная, пораженная насквозь этими видами монополизма, постсоциалистическая экономика лишь внешне обретает, часто просто имитирует процессы либерализации. Естественно, в ней не могут адекватно работать обычные рыночные механизмы. Попытки регулировать экономику с помощью государственного аппарата наталкиваются на укоренившиеся механизмы институционального и мафиозно-теневого монополизма.

В этих условиях не дают положительного эффекта ни начинания либерального характера, поскольку их позитивные результаты с обескураживающей быстротой поглощаются функциональными, инфраструктурными, сателлитскими монополистами, ни обращения к государственным формам регулирования в силу слабости последнего и поражения его функций монопольно-скорпускулированными процессами. При создавшемся положении оказываются неадекватными ни либеральные, ни кейнсианские модели экономики.

В теории и практике реформирования важно обеспечить системность, синхронность процессов либерализации экономики и институционального обеспечения. Поскольку последнее не может быть успешным без преодоления институционального монополизма, потребуется специальная и по существу качественно новая работа, отличная от неэффективной, рутинной, основанной на традиционных представлениях о монополизме и его механизмах работы ныне действующей системы антимонопольного регулирования. И только на этой основе открывается возможность утверждения адекватных институтов, способных обеспечить социально-ориентированные рыночные преобразования.

Литература

1. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы // Вопросы экономики. 1999. №1.
2. Осипов Г. Россия у красной черты // Вопросы экономики. 1996. №6.
3. Колодко Г. Уроки десяти лет постсоциалистической трансформации // Вопросы экономики. 1999. №9.
4. Губарь А. Собственность и власть. Барнаул. 1993.